

DOI: 10.31857/S241377150008611-5

О некоторых аспектах современной лингвистики

© 2020 г. М.В. Всеволодова

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1
kdl@philol.msu.ru

Дата поступления материала в редакцию 30 апреля 2019 г.

Дата публикации: 29 февраля 2020 г.

Резюме. 5 февраля 2020 года ушла из жизни Майя Владимировна Всеволодова (1928–2020), профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета Московского государственного университета, заслуженный профессор МГУ, почётный профессор Шанхайского университета иностранных языков, выдающийся учёный, заложившая основы нового научного направления в лингвистике и лингводидактике – функционально-коммуникативного описания русского языка. С именем профессора Всеволодовой связана целая эпоха в отечественной и зарубежной лингвистике, теории и практике преподавания русского языка как иностранного.

В статье рассмотрены некоторые проблемы и фрагменты русистики, пока еще не вошедшие в описательную грамматику русского языка. Утверждается, что новый уровень представления самой грамматики позволит увидеть Язык как сложное, но строго организованное явление. Думается, что Язык как одна из сложнейших структур мироздания заслуживает гораздо более подробного представления с учетом не только самих языковых единиц, но и их функционирования.

Ключевые слова: категория, парадигма, поле, пересекающиеся множества, структура, количественные уровни языка.

Для цитирования: Всеволодова М.В. О некоторых аспектах современной лингвистики // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 1. С. 5–22. DOI: 10.31857/S241377150008611-5

On Some Aspects of Modern Linguistics

© 2020 Maya V. Vsevolodova

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
kdl@philol.msu.ru

Received by Editor on April 30, 2019

Date of publication: February 29, 2020

Abstract. In Memoriam. Regretfully, the author of this article, Maya Vladimirovna Vsevolodova (1928–2020) passed away on February 5, 2020. Professor Vsevolodova served on the Philological faculty of The Moscow State University, at the Department of Didactic Linguistics and RSLT (Russian as Second Language) Teaching Theory. She was named University Distinguished Professor at the MSU; she held honoris causa degree from The Shanghai International Studies University. A distinguished scholar, Professor Vsevolodova was founder of a new direction in language sciences, in Linguistics and Lingvodidactics – the functional-and-communicative description of the Russian language. An entire age in Russian and foreign linguistics, in theory and practice of RSLT is linked with the name of Professor Vsevolodova.

The article by M.V. Vsevolodova presented here considers some issues and matters of the Russian Studies, which, as of yet, have not been included in the mainstream descriptive grammar of the Russian language. The article argues that, by taking the study of grammar to a new level, the scholars will be able to see the Language as a very intricate and, at the same time, minutely organized phenomenon. Language, being one of the most complex universal structures, requires the most thorough representation, which takes into account both linguistic units and their functioning.

Key words: category, paradigm, field, overlapping sets, structure, quantitative, language levels.

For citation: Vsevolodova, M.V. *O nekotorykh aspektakh sovremennoj lingvistiki* [On Some Aspects of Modern Linguistics]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No 1, pp. 5–22 (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150008611-5

Прежде чем перейти к собственно содержанию, скажем, что мы работаем в рамках функционально-коммуникативной дидактико-лингвистической модели языка, сформировавшейся на кафедрах русского языка как иностранного филологического факультета МГУ. Процесс преподавания русского языка инофонам в языковой среде и обучение активному пользованию языком как в учебном процессе, так и в естественном общении с окружающими поставили перед нами еще в 1951 году задачу изучения самих причин и механизмов функционирования синтаксических единиц, специфики их образования и преобразования, а также содержания в сопоставлении с их аналогами в родном языке учащихся. Именно тогда мы сформулировали постулат: “Наша грамматика — функциональная”. Ни одна “Грамматика русского языка” не могла быть для наших учеников учебником и дать необходимые для нашей работы сведения и правила. Работа с обязательным выходом в языки наших учащихся и по необходимости в дихотомию, в результате вывела нас на фундаментальный уровень языка и привела к соображениям, изложенным ниже.

Важной спецификой нашей модели является то, что мы учим русскому языку не просто как иностранному, который можно изучать и в своей стране, а в сфере получения специальности, где возможны профессиональные реализации языковых единиц. Наши ученики, во-первых, получают образование на русском языке; во-вторых, общаются с носителями языка в самых разных сферах, где степень их владения языком никто не учитывает. И для нас с самого начала оказалось очень важным введенное еще А.М. Пешковским понятие объективной грамматики, где для лингвиста не может быть “неправильного” и “некрасивого” [1, с. 51].

Соответственно, весь представленный ниже материал — это результаты изучения и осмысления Языка именно в нашей модели. Важно учитывать принципиально иную структуру стилей, нежели это принято в традиционной грамматике.

У М.В. Ломоносова в 1755 г. названы три стиля: низкий, средний и высокий — собственно стиль Священного Писания. После Пушкина выделили стили литературный и разговорный с просторечием. Литературным был язык художественной литературы. В.В. Виноградов включил в него также научный стиль и ряд других. Но сейчас наши лингвисты очень точно ввели одно понятие, для которого есть три разных термина. У Е.В. Падучевой и Б.А. Успенского это язык речи естественного общения, у Т.М. Николаевой — спонтанная речь, у О.Б. Сиротининой — узус. Важнейшая часть стилевой структуры — профессиональные стили, обычно носитель определенного профессионального стиля системно использует его в своем узусе. Священники расстраиваются, когда вместо *совершить молебен, венчание, крещение* прихожане говорят: “*Проведите крещение, молебен*”. В узусе названия общественных мероприятий сочетаются с глаголом *проводить/провести*: *провести собрание, опрос*. Слова *молебен, крещение* для людей нецерковных входят в этот класс. Для лингвиста материал узуса зачастую более интересен, чем материал литературного языка.

В нашей лингвистике традиционно выделяют основные разделы: фонетика, лексика, грамматика, в составе которой выделяются морфология и синтаксис. В морфологии выделяются части речи (ЧР) и даются парадигмы каждой ЧР. В синтаксисе даны основные синтаксические структуры: словосочетания (с/с) и предложения. К словосочетаниям, по В.В. Виноградову, относят только состоящие из знаменательных слов при их прямом порядке. Изменения словопорядка или расстановки слов считаются разрушением с/с. Рассматриваются типы связей слов (сочинение, подчинение, согласование, примыкание) и типы подчинительных связей. Можно сказать, что хорошо и полно представлен состав простых и сложных предложений с учетом вводных компонентов (“вводные слова”), в состав которых в “Академической грамматике русского языка” 1980 г. уже введены: форма слова, словосочетание и предложение. Но не

рассматривается, например, аспект трансформации предложения, когда одно и то же содержание передается разным порядком слов или разными типами предложений. Там нет категории предикативности (предикации) [2]; [3], а только категория предикативности В.В. Виноградова.

Следует, однако, отметить, что уже и в этом фундаментальном издании есть очень важные и интересные нововведения, свидетельствующие о научной интуиции его ответственного редактора — Н.Ю. Шведовой. Так, она поместила там интонационные конструкции (ИК) Е.А. Брызгуновой, хотя их и сейчас не признают многие фонетисты. Мы к ним вернемся. Она вывела дробные числительные из состава частей речи (ЧР) и перевела их в раздел словосочетаний, ибо там можно поставить союз *и*: *ноль целых и две десятых*; а это один из разрядов не упоминаемого в наших грамматиках класса комплексных числительных [4, с. 196]; мотивированное управление перевела в именное примыкание, а порядковые числительные — в порядковые прилагательные, поскольку они согласуются с существительным. Но причастия остались в составе глагольных форм.

Вместе с тем, в грамматике, разрабатываемой специалистами РКИ, есть положения, для нашей модели не вполне адекватные. Это, например, отнесение к кратким только прилагательных, не имеющих падежной парадигмы. Но это только слово *рад*. А чем различаются прилагательные *высокий* и *высок*, *трудный* и *труден*, *чистый* и *чист*, у которых одинаковая падежная парадигма? Некоторые лингвисты считают категорию полных/кратких прилагательных периферией, но в нашей работе это одна из труднейших тем для инофонов-первокурсников. И именно по просьбе иностранных преподавателей-русистов вышли в свое время наши первые грамматические работы [5]; [6]; [7]. Эта работа продолжается и сейчас [8]. И таких проблем достаточно. Думается, что для создания собственно “лингвистической” грамматики нужно иметь в виду два момента.

В принципе изменилось само представление о языке, утверждается его принадлежность к базовым единицам мироздания, с одной стороны, а с другой — определена его функция объективации нашего мышления. Языку как единице мироздания свойственна структурность, он состоит из множеств дискретных единиц, пересекающихся между собой. А Языку как средству объективации мышления свойственны категории и парадигмы. Как отмечалось в работах видных лингвистов [9]; [10] и как выявили систематологи [11], для человеческого мышления специфичны многограновые бинарные (дихотомические) оппозиции, которые мы интуитивно начали использовать в практической деятельности и специальной литературе по РКИ с 1968 г., используем и в этой статье. И категории, и парадигмы пересекаются между собой и друг с другом (пересекающиеся множества в структурах мироздания). Не вдаваясь в подробности, представим возможную структуру Языка матрицей и дендрограммой. Концепты мышления “действие”, “состояние”, “отношение” и “признак” как разряды понятийной сферы были выделены в своё время Е.С. Кубряковой, Т.В. Шмелева дополнила этот список сферами их проявления [12]. Но наша модель языка показала необходимость введения таких концептов, как “время”, “пространство”, а позже “бытийность” [13]. Это позволило нам построить общую для Языка дендрограмму общей структуры нашего языка, см. ниже.

Сами концепты пересекаются друг с другом как по сферам проявления, так и в зависимости от субъекта бытийности. Каждый из них имеет свои разряды. Признаки, например, могут быть качественными и количественными. Работа над разными категориями языка позволяет нам выявить и эти аспекты.

Один из типов структур мироздания — поле. Введенное в 1924 г. Г. Ибсенем понятие семантического поля Й. Трир в 1931 г. разделил на понятийное и лексическое. В современной русистике

Матрица концептов — основных логических категорий

Сферы проявления	Концепты						
	Бытийность	Пространство	Время	Действие	Состояние	Отношение	Признак
	Физическая						
	Физиологическая						
	Эмоционально-психическая						
	Интеллектуально-творческая						
	Социальная						
	Духовная						

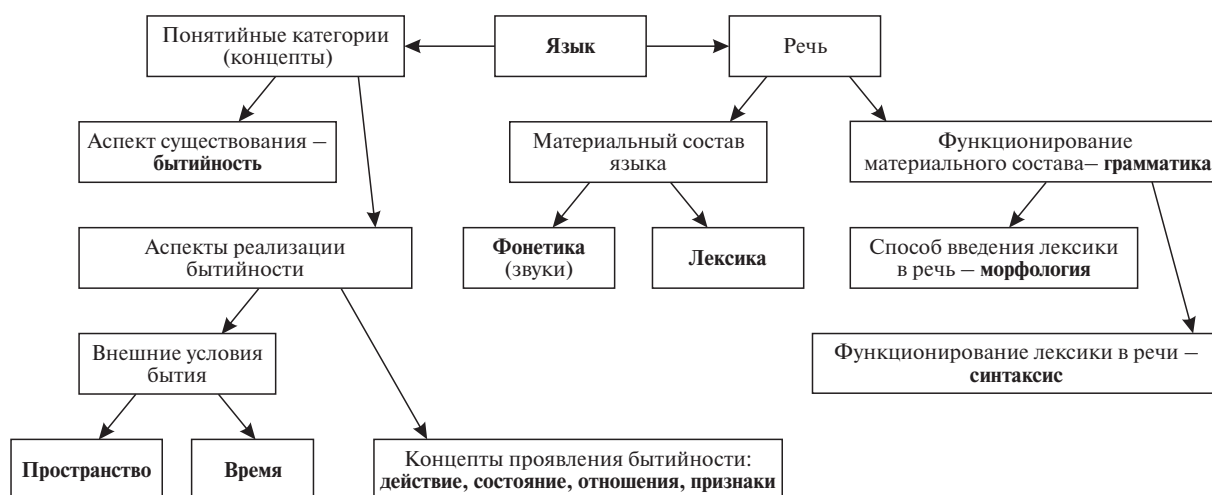

Схема 1. Система составляющих Языка как структурной единицы мироздания

термин “семантическое поле” часто понимается как относящийся к лексике и уже давно употребляется именно по отношению к этому уровню языка, см. [14]. Существует определение Ю.С. Маслова: “Семантическое поле — это множество слов, точнее — их значений, связанных с одним и тем же фрагментом действительности” [15, с. 96]. Но, как известно, смыслов больше, чем значений, значений больше, чем слов. (Мы к этому еще вернемся.) И, думается, Й. Трир был прав, отделив смыслы от значений, поскольку один фрагмент действительности может быть выражен в речи очень разными средствами и с разными смыслами. Но применяется и термин “лексическое поле” ([16] и др.).

В 1967 г. А.В. Бондарко ввёл функционально-семантические поля (ФСП) [17]. Наша работа над такими разными единицами языка, как предлоги, полные и краткие прилагательные, бинаминальное предложение, настоящее время форм русского глагола [18] и др., выявила и наличие функционально-грамматических полей (ФГП). Мы к ним еще вернемся. Известные нам работы показали: лексические поля представляют собой собственно поле со словом-центром и расширяющейся периферией, см. [16], но категории там должны быть; ФГП формируются одной языковой функционально-грамматической категорией (ФГК), в основном, без учета лексики, которая если и проявляется, то в периферийных оппозициях, как, например, в категории полных и кратких прилагательных [8], ср.: *Оля — очень хорошая* и *Оля очень хороша* (= красива), но при другой интонации (ИК-2 по Е.А. Брызгуновой): *Оля то² же хороша, не помогла тебе в трудную минуту*. Основными для употреблений форм являются факторы грамматические в широком понимании этого слова, например, позиция в предложении, ср.:

Тиха украинская ночь (Пушкин) (и в этом обобщающем значении только так); *Счастлив человек, у которого так сложилась судьба*; и: *Украинская ночь тиха/тихая* (= украинские ночи); *Человек, у которого так сложилась судьба, счастливый* (и только) [6]; [8].

Именно эти структуры являются в чистом виде двуединством поля и категории [19]. Каждое ФСП формируют несколько функционально-семантических категорий (ФСК), образованных разными классами языковых единиц. Так, ФСП темпоральности включает ФСК именной, наречной темпоральности, сложного предложения с временным придаточным, слов-реляторов типа *совпадать*, *предшествовать*, *следовать*, *длиться*, *ровесник*, *современник*, *одновременно* и пр. и сами предложения, выражающие временное состояние: *настало утро*, *стоит холодная зима*, *прошло два часа* и т.п. А глагольное время А.В. Бондарко абсолютно правильно вывел из ФСП времени [19], поскольку аспектuality — это ФГП/ФГК, но в предложениях они пересекаются, а употребление формы глагола зависит и от именных темпоральных групп (ИТГ) [20]. ФСП полицентрично, поскольку у каждой ФСК свой центр, и соотнесение этих центров выявляет определенный фрагмент языковой картины мира каждого этноса. На современном этапе важно, и именно для выявления особенностей языковой картины мира, сопоставить структуры ФСК одного ФСП. В русистике по этой модели описаны (без сопоставления) ФСК именной и наречной темпоральности [20]; [21]; [22]. Наше сопоставление показало, что в именной темпоральности первую оппозицию составляют “одновременность / разновременность”, а в наречной “одновременность / разновременность” как единство отношения времени действия к моменту речи или текста,

характер протекания действия во времени отмечен оппозицией “кратность / протяженность”¹.

Понятие парадигмы в нашей грамматике до сих пор было предметом изучения только по отношению к формам рода, числа, падежа, глагольного времени. Но все формы работают в синтаксисе. “Всякое использование слова в речи есть уже его синтаксическое использование” [23, с. 14]. И здесь открываются моменты, в морфологической парадигме не отмеченные. Формы *дома, года, леса* все определяют как родительный падеж (Р), а формы *дому, году, лесу* — как дательный (Д). Но вот примеры с другим вариантом формы Р:

... я *из леса* вышел, был сильный мороз (Некрасов),
... я вышел *сегодня из дому* поздно вечером (Бродский);
Сердце, сильней разгораясь от году до году,
Брошено в светскую жизнь,... (А. Толстой); *С часу на час* Сергей ожидал телеграммы (А. Гайдар).

Или ненормативные, но широко известные примеры:

Так и дошла до городу Берлину, до городу Парижу.

Кроме того, при наличии предлога ударение может переходить на предлог, прежняя ударная гласная теряет ударение, а сама морфологическая форма слова (без предлога) становится безударной. Но слово не может не иметь ударения. И следует признать, что в синтаксисе предлог входит в состав словоформы, становясь её частью. И значит, налицо морфосинтаксическая парадигма падежной формы слова, пересечение категорий морфологии и синтаксиса, см.: [24]. А это характеристика единиц мироздания. И это ставит перед нами еще одну задачу, которую помогают решить и работы наших коллег-русистов, и вообще достижения современной лингвистики. К морфосинтаксису относятся также не только комплексные числительные, но и составные количественные — пересечение ЧР и с/с.

* * *

В грамматике в самом начале перечисляются через запятую ЧР. Но, вероятно, их стоит категоризовать. Мы общаемся предложениями-высказываниями, состоящими из слов, которые, в свою очередь, состоят из звуков. И уже это представляет первую оппозицию: 1. материальная база языка vs. 2. сфера его функционирования.

1. Материальная база — 1.1. звуки (фонетика) vs. 1.2. слова (лексика). Фонетика обслуживает как собственно слова, так и звучащую речь,

высказывание. Это оппозиция: 1.1.1. собственно фонетика vs. 1.1.2. интонация.

1.1.1. Слова — это единицы речи, и звуки работают уже в составе слов. Но в собственно фонетике кроме оппозиций “гласные / согласные” в каждом классе есть оппозиция: “собственно звуки / их варианты в разных позициях”. У гласных — “ударные / безударные” (“полногласие / редукция”), у согласных — “озвончение / оглушение”, “твёрдость / мягкость”. Рационально выделить уровень устной и письменной речи, ср. русск. и белорусск.:

*дóм — дома́, окно́ — о́кна и дóм — дамы́, акно́ — во́кна*².

1.1.2. Интонация представлена оппозициями, по крайней мере, в славянских языках: 1.1.2.1. актуализационный уровень vs. 1.1.2.2. эмоциональный уровень. Судя по опыту, последний член есть лингвистическая универсалия: не зная языка, на котором идет общение, мы понимаем эмоциональное состояние и взаимоотношения собеседников. А это пересечение с психолингвистикой.

1.2. Для лексики принципиальна оппозиция слов “изосемические / неизосемические”. Изосемические, где ЧР совпадает с лексическим значением (предмет, абстракция — существительное; действие — глагол и т.д.), такие как *дом, наука, ходить, большой* — есть во всех языках, неизосемические — *чтение, домашний, красоваться* — могут не быть. И здесь зона пересечения лексики и морфологии. Состав ЧР в языках может быть различным. Так, в арабском нет наречий, и в русском они сформировались как категория только в XIV в.; ЧР “числительные” у М.В. Ломоносова еще нет, в японском они и сейчас входят в состав существительных, в китайском составляют разряд “счетное множество” и функционируют при существительных (не в позиции предиката) только в сочетании со “счетными словами” [25, с. 633, 636].³ А это похоже на специфический для славянских слов тип с/с, традиционно называемый “сочетание числительного с существительным”, но в принципе образующий самостоятельный и очень важный для русского языка разряд “квантитативы” (см. ниже).

Помимо вышесказанного, думается, нужна категория соотношений слов и их значений, поскольку кроме синонимов есть антонимы и омонимы, есть паронимы и лексические варианты слова (ЛСВ). Нужна система соотношений значений лексических единиц, которой у нас пока нет.

² Благодарю коллегу из Белоруссии проф. М.И. Конюшкевича за информацию по белорусскому языку.

³ Я благодарю коллегу, профессора И.М. Кобозеву, предоставившую мне эту книгу.

¹ В наших работах есть различия в терминологии, в будущем их нужно сделать одинаково значимыми и для анализа других ФСК этого ФСП, поскольку это характеристика всего ФСП.

А эти соотношения выявляются уже на уровне синтаксиса. Каждый ЛСВ имеет свою парадигму употреблений. Если в русском можно *учиться читать* и *учиться в университете*, то в итальянском возможно только первое, поэтому итальянские студенты не употребляют наших предложений типа *Я учусь в университете*, поскольку для них это ‘Я сам себя учу в университете’. Ср. наше *любить*: Иван любит Машу, Я люблю свою тётю, и: Мы все любим нашего декана, он замечательный человек и отличный руководитель, или Я люблю кофе, Я люблю читать. В польском для первого случая и по отношению к родным и близким выступает слово *kochać*, а *lubić* — ко всем остальным. Есть языки, где уже *любить жену* и *любить сына* — это разные глаголы. Я не знаю, есть ли в русистике сопоставительное изучение лексики, но для нас оно необходимо.

В лексике есть еще один аспект, который пока, по крайней мере, для нашей модели, не находит в русистике выхода в другие языки, это — словообразование. Эта категория охватывает и изосемические, и неизосемические слова, ср. изосемические названия лиц *учитель, ученик, учительство* (= учителя), предметов — *учебник, учреждений: училище*; и неизосемические *учеба, учение, обучение, изучение* — от глаголов *учить, учиться* и их приставочных вариантов. Есть аспекты, очень важные для нашей практики, но требующие сопоставления с другими языками и более конкретного анализа. Поскольку есть языки, где этого словообразования нет. Покажем это на примере русских числительных в их сопоставлении со славянскими, китайским и казахским языками. Рассмотрим однословные количественные числительные, но представим и составные.

Эти числительные характеризуются по составу: 1) простые немотивированные *один — десять, сорок, сто*; и суффиксальные *одиннадцать — двадцать, тридцать*. 2) сложные типа *пятьдесят — триста — семьсот*, в которых в настоящее время в норме склоняются обе части, поскольку в истории языка это соответствующие существительные. И для названий десятков и сотен основной, первой частью является название соответствующей единицы, а второй показатель уровня — десяток или сотня, типа

*два — двадцать — двести, три — тридцать — триста*⁴ — *трехсот — тремястами, пять — пятьдесят — пятьсот — пятидесяти — пятисот, пятью — пятьюдесятью — пятьюстами*.

⁴ Различие между *двести* и *триста, четыреста* — отражение формы двойственного числа (дуалис), которая для слов ср.р. имела форму *две окне*, слово *сто* — ср.р., написание с конечным *-и* — отражение нашей редукции, ср. польск. *dwieście* и южнославянское *дваста*.

Для 20 и 30, и 300, 400 и в украинском и белорусском те же образования, есть слово *сорок*⁵, *сорок/сарака* (белорус.), а у западных и южных славян это сложные, ср. польск. *dwadzieścia, czterdzieść*; серб.. *двадесет*. Ср. укр. числительные и квантитативы:

стол — один стол — двадцать один стол — укр. *стіл — один стіл — двадцять один стіл*; хата — одна хата — сто тридцать одна хата — укр. *хата — одна хата — сто тридцять одна хата*; столы — два/три/четыре стола — двести двадцать два/три/четыре стола — укр. *столи — два/три/чотири столи — двісті двадцять два/три/чотири столи*; хаты — две/три/четыре хаты — сорок две/три/четыре хаты — укр. *хати — дві/три/чотири хати — сорок дві/три/чотири хати*; столы — пять столов — сорок пять столов — много / несколько/сколько столов — укр. *столи — п'ять столів — сорок п'ять столів — багато / кілька (декілька)/скільки столів*; хаты — шесть хат — сто семьдесят шесть хат — много/мало/ — несколько/несколько хат — укр. *хати — шість хат — сто сімдесят шість хат — багато/мало/скільки/кілька (декілька) хат*⁶.

Китайский язык представляет названия основных единиц так:

1 — *и*, 2 — *ар*, 3 — *сань*, 4 — *сы*, 5 — *ву*, 6 — *лю*, 7 — *чи*, 8 — *ба*, 9 — дзю, 10 *ши*, 100 — *бай*, 1000 — *чен*.

Названия первых двух десятков до 20: 11 — *ши и*, 12 — *ши ар*, 14 — *ши сы*, 18 — *ши ба*; фактически как *десять один, десять два, десять семь* и т.д. Названия других десятков: 20 — *ар ши* (два десять), 40 — *сы ши*, 50 — *ву ши*, 70 — *чи ши* и т.д. Названия сотен: 200 — *лян бай* (два сто, где для *два* — другое слово), 400 — *сы бай*, 500 — *ву бай*, 700 — *чи бай* и т.д. А вот количественные составные числительные: 21 — *ар ши и* (два десять один), 51 — *ву ши и*, 55 — *ву ши ву*; 222 — *лян бай ар ши ар*. Сравните: 19 — *ши дзю*, 90 — *дзю ши*, 91 — *дзю ши и*, 3768 — *сань чен чи бай лю ши ба*⁷.

Как видим, в китайском нет словообразования, есть словосложение.

В казахском языке числительные как ЧР есть, но уже для названий десятков выступают самостоятельные, лексически не соотносимые с единицами слова, ср.:

2 — *екі*, 12 — *он (десять) екі*, 20 — *жиырма* (двадцать), 21 — *жиырма бір(один)*., 200 — *екі жүз (сто)*,

⁵ Восточнославянское *сорок* — это название мешочков, в которые умещалось 4 десятка соболиных шкур. Ср. *В Москве сорок сороков церквей*.

⁶ Я благодарю украинского коллегу члена-корреспондента Украинской академии наук А.А. Загнитко за предоставленную информацию.

⁷ Благодарю коллегу доцента И.И. Акимову за предоставленный материал.

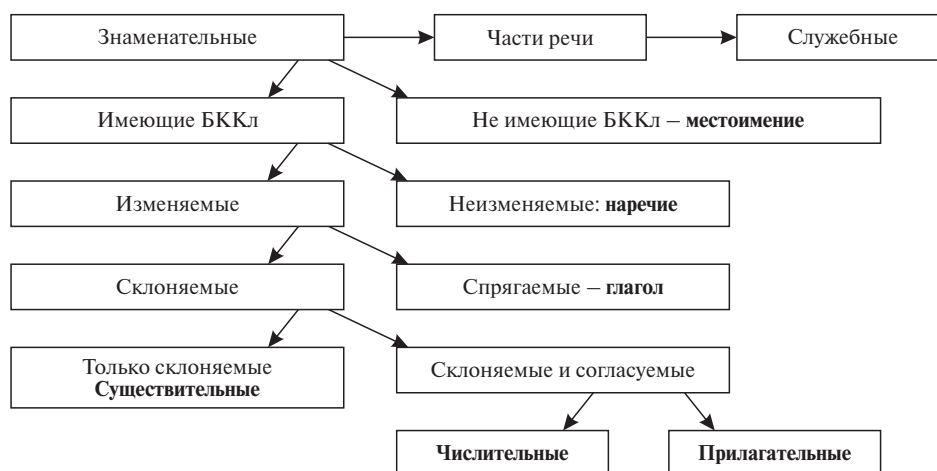

Схема 2. Система частей речи русского языка (по БККл)

222 – *екі жүз жиырма екі*; 4 – *төрт*, 14 – *он төрт*, 40 – *қырық*, 41 – *қырық бір*, 400 – *төрт жүз*, 422 – *төрт жүз жиырма екі*; 5 – *бес*, 15 – *он бес*, 50 – *елу*, 51 – *елу бір*, 55 – *елу бес*; 9 – *тоғыз*, 19 – *он тоғыз*, 90 – *тоқсан*, 91 – *тоқсан бір*. См. также 3768 – *үш* (три) *мың* (тысяча) *жеті* (семь) *жүз* (сто) *алпыс* (шестьдесят) *сегіз* (восемь)⁸.

Соответственно, в нашей модели преподаватель должен знать, что соответствует нашей ЧР числительных в языке ученика, что ему нужно объяснить, как отрабатывать словообразование и ряды числительных.

2. Сфера функционирования единиц языка в речи – Грамматика – имеет оппозицию: 2.1. формальный состав языка – морфология vs. 2.2. единицы речи – синтаксис. Морфология даёт оппозицию: 2.1.1. классы слов, отражающие денотативный уровень, – это ЧР, vs. 2.1.2. способы функционирования каждого класса слов. Это, фактически, парадигма данного класса слов.

2.1.1. Морфология, в которой первый член оппозиции – это классы слов, или ЧР. Как отмечал М.В. Панов, ЧР определяются только по их грамматическим свойствам, лексика здесь не имеет значения.

2.1.2. Но в морфологии оказывается важным функционирование слова в речи, то есть способ его вхождения в речь. Сейчас известны два способа вхождения слов в речь 1) словоизменение (изменяется само слово, хотя в речи может присоединять к себе служебные слова, как в славянских языках); 2) словообразование (слово не изменяется, но к нему добавляются маркеры – обычно послелого, – определяющие грамматическое

значение – число, падеж при наличии этой категории в языке – или синтаксическую функцию). Первое свойственно, например, тюркским языкам, где маркируется число (если перед словом нет числительного), падеж и некоторые дополнительные значения. Второе работает в китайском: слова *‘студент читать’* (даём кальку) – это *студент читает*. Вариант *‘студент де читать’* – это *чтение студента*, а вариант *‘студент читать де’* – *читающий студент*. Частица *де* маркирует определение. Вполне возможно, что по отношению к китайскому языку нужно говорить не о словообразовании, а о словосложении.

Как сказано выше, Н.Ю. Шведова в Грамматике-80 вывела из ЧР дробные числительные и перевела их в с/с, поскольку там можно поставить союз *и*: *ноль целых и три десятых*. Но: 1) есть с/с, где поставить союз *и* нельзя, например: *крепко спать, читать книгу*; 2) есть дробные числительные, где тоже нельзя поставить союз, – *три пятых*; 3) в других ЧР тоже есть реализации типа с/с *более высокий, самый высокий, выше всех, более высоко, выше всего*; 4) и, пожалуй, главное: в южно-славянских языках в составных числительных единицы присоединяются к предыдущему союзом *и*: *двадцать и едан, триста и пет*. Это морфосинтаксис – пересечение в одной лексической единице двух типов категорий разных уровней: собственно морфологии – ЧР и синтаксиса – с/с. И среди с/с в нашей модели особую позицию занял квантитатив – сочетание числительного с существительным, представляющий принципиально самостоятельный разряд с/с со своей грамматикой. Покажем ниже.

Разделение главной ЧР и ее реализаций осуществил Ф.И. Панков, выделивший собственно “часть речи” как общее название класса и “категориальные классы слов” (ККл) как типы его реализации [22]. Тот класс, в котором реализуются

⁸ Благодаря магистрантку нашего университета в Астане Азиз Тулгабекову за материал.

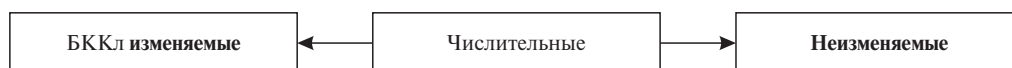

Схема 31. Типы структур ККл-ов числительного

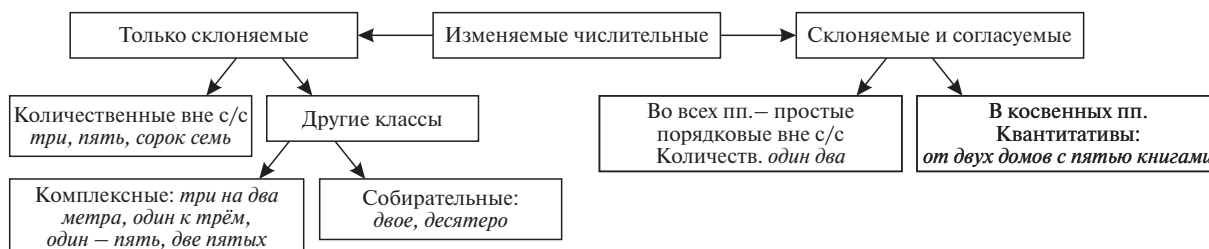

Схема 32. Структура разрядов изменяемых числительных

базовые грамматические характеристики определенной ЧР, можно назвать базовым категориальным классом (БККл). У существительного есть только БККл. При всех изменениях оно переходит в другие ЧР. ККл показывают, что ЧР в определенной степени и на определенном уровне связаны с лексикой. (Подробнее см.: [13, с. 49].) При этом местоимения не имеют своего БККл, что всё же не выводит их из ЧР. Представим (схема 2) первый фрагмент дендрограммы ЧР русского языка по БККл. Каждая ЧР имеет собственную систему. А разные ККл в ЧР и составляют её парадигму. И даже в родственных славянских языках эти системы могут быть различными. Так, у южных славян числительные не склоняются.

Согласование — это пересечение морфологии с синтаксисом. Кроме существительного, все БККл имеют разные по типам образования ККл. Но некоторые системы форм слов могут быть достаточно сложными. Покажем это на категории форм числительных (см. схемы 3₁ и 3₂).⁹

Числительные могут быть изменяемыми — склоняемыми и согласуемыми — и неизменяемыми, которые связаны с разрядом распространяемого слова (см. ниже). И это первая оппозиция в системе числительных. Кроме рассмотренных выше к числительным можно отнести: 1) соответствующие единицы других разрядов: *десятый, дважды, втроём, вдвое* и др.; 2) составные: *двадцать два, дважды два, сто сорок второй*; причем в составных порядковых все числительные, кроме последнего слова, — количественные и несклоняемые: *до сто тридцать пятого*; 3) комплексные, представленные двумя и более самостоятельными числами и включающие: а) дробные — *три пятых, ноль целых и две десятых*, б) называющие площадь и объём — *пять на три (метра), два на два и на три*

(метра), в) пропорцию *один к трём*, 4) диапазон величин: *породы крепостью 1–6 по Бомэ*, 5) часть и целое: *две из пяти книг — мои*. Числительные связаны с категорией одушевленности (что было отмечено уже Н.Ю. Шведовой в Грамматике-80) и в ряде случаев либо ограничивают её функционирование, см.: *осмотрел двух пациентов/двадцать два пациента*, либо обе реализации возможны: *родить два сына/двух сыновей/трое сыновей/троих, четверых сыновей*; но только: *родила пять сыновей и родила пятеро/пятерых сыновей*. Но уже не *одинадцатеро/одинадцатерых* (но см. отмеченное в корпусе примеров: *Предупреждаю всех пятидесятерых*). Как видим, категория словоизменения — категория сложная. А поскольку система словоизменения числительных, пожалуй, одна из самых сложных, представим её дендрограммы.

Слова *вдвоём, внятером; вдвое, внятеро; дважды, пятикратно* системно относят к наречиям, но мы относим эти ККл к неизменяемым числительным, что позволит увидеть эту ЧР в целостности. К неизменяемым отнесём и количественные в составном порядковом в препозиции к порядковому. Эта специфика категории числительных, думается, есть отражение процесса формирования этой категории, только недавно вышедшей в самостоятельную часть речи (см.: *Купил другую тридцать коровъ. 1731 г.*).

Этот процесс идет активно, и многие “неправильности” типа *шестиста* и *двести пятидесяти* могут через несколько десятилетий войти в норму. Примеры из языка СМИ:

Появилось тридцать три новых развязок; Отсюда до города не более два с половиной километров. (Оба примера — Россия1, Новости).

И нормативисты должны следить за этими процессами, поскольку никакая критика таких употреблений на формирование категории числительных как на процесс развития языка не повлияет.

⁹ О числах в языке написано много [27], но не как о категории Языка.

Что касается местоимений, то, поскольку они не имеют БККС, обозначив их как самостоятельную ЧР, можно охарактеризовать их как функционирующие только в составе других ЧР и, соответственно, представлять как местоименный ККл (МККл). Тогда уже и у числительного будет БККл и МККл: *кто, что, некто, нечто, кое-кто, кое-что* и др. У нас в грамматике местоименных числительных как ЧР нет, есть неопределенные: *сколько, несколько*. Но слова *столько, сколько, несколько, сколько-то, много, мало, долго* всегда связаны с количественностью и в нашей модели языка это местоименные числительные, ср.:

всего литр воды — мало воды; мы шли туда три часа — мы туда долго шли.

Кстати, спецификой числительных является их системный Им.п. (И)¹⁰ в присловной позиции даже после предлогов:

Таксисту пришлось меня подождать порядка пять-семь минут. В год каждому депутату должны компенсировать телефонные разговоры на сумму не более пяти тысяч гривен.

Но при существительном в постпозиции к квантитативу возможен и Р, а при перестановке слов в квантитативе проявляется смысл ‘приблизительно’:

доска длиной два метра — доска два метра/двух метров длиной и: доска длиной метра два — доска метра два длиной/метров двух длиной.

Все представленные грамматические типы реализаций — это синонимы.

Выше шла речь о категоризации знаменательных слов. Но в языке есть и большая категория служебных слов, грамматики которой у нас пока нет. Наше обращение к предложным единицам выявило их систему оппозиций, начинающуюся первичными предлогами, а кончающуюся коррелятами предлогов¹¹, в частности, словоформами параметрических существительных типа *длиной, в длину, со скоростью, ростом*, которые, не выходя из разряда существительных, распространяемых квантитативами — *длина два метра, цена один рубль*, — в определенных словоформах выступают как предлоги и могут быть опущены, ср.:

Южный ветер будет дуть со скоростью два — пять метров в секунду. — Ветер слабый, два-пять метров в секунду.

¹⁰ В дальнейшем мы обозначаем падежи их первыми буквами: родительный — Р, дательный — Д, винительный — В, творительный — Т, предложный — П, жирный шрифт.

¹¹ Это и другие виды специфики предлогов, названные ниже, см: [4]; [29]; [30].

Это подтверждает концепцию Е.С. Скобликовой: управление — это не подчинительная связь, а способ вхождения существительных в предложение [28]. И значит, этот аспект грамматики также может быть отчасти пересмотрен.

Предлоги и предложные единицы имеют свои парадигмы, и не одну. И часто — богатую синонимику. А это уже область синтаксиса.

2.2. Синтаксис — это сфера функционирования языка. И здесь, как и в морфологии, есть оппозиция “единицы, формирующие речь общения” vs. “механизмы функционирования”. В традиционной грамматике обычно представляется именно первый член этой оппозиции и называются: формы слов, с/с, типы предложений со своей классификацией на простые и сложные. Понятие текста как грамматической категории в грамматику обычно не входит. Но общаемся мы текстами, и именно конситуации (термин польского коллеги-русиста Миновича, введенный им в нашу грамматику задолго до появления термина модус-1¹²) обуславливают реализацию и поведение синтаксических единиц в тексте, что было в свое время отмечено Г.А. Золотовой по отношению к названию или общей теме абзаца и к тому или иному представлению смысла как темы каждого предложения [31].

2.2.1. Но чем отличается синтаксический уровень формы слова от морфологического уровня? Выделены: 1) словесная форма — грамматическая форма без лексического наполнения: **на+В, с+Р, Vinf+бы** и под.; 2) словоформа — конкретная форма конкретного слова в тексте, например, *на пол, за июнь, на удивление; с мая, со стола, с согласия (декана)* [32]; 3) синтаксема — словоформа с учетом лексики, формы, значения, синтаксического потенциала (свободные, обусловленные, связанные) [33]; [31]. Этот аспект хорошо работает в нашей модели языка [13, с. 220]. И как уже показано выше, словоформа может иметь варианты, не отмеченные в традиционной морфологии. Синтаксемы — лингвистическая универсалия. В китайском форм слов нет, но есть синтаксемы. Рамки статьи не позволяют подробнее остановиться на этом уровне.

2.2.2. В грамматике выделяется, как правило, с/с, причем, вслед за В.В. Виноградовым, состоящее только из знаменательных слов при прямом порядке их компонентов. Но наша работа показала необходимость широкого понимания с/с и их

¹² Термины “конситуация” и “модус-1” суть синонимы: текст и внеязыковые условия его формирования. Термин “модус-2” употребляется в значении ‘все тексты данного функционального (профессионального) стиля’.

категоризации. С/с бывают моноструктурными (подчинительными и сочинительными [34]) и полиструктурными, объединяющими оба типа, как, например, *две тысячи двадцать первый год* (управление и согласование), *ноль целых и три десятых* (подчинение и сочинение). Кроме знаменательных выявлены два других типа с/с: дескрипции (термин А.Е. Кибрика), где грамматически главное “слово” семантически слабое, а “словоформа” — семантически главная; и квантитативы — с/с числительных с существительными. Дескрипции составляют многогранговую систему чётких оппозиций, например, по типу функции “слова”

реляторы:

время: *совпадать, предшествовать, следовать, длиться* и др.;

пространство: *находиться, располагаться, соседствовать, перемещаться* и др.;

состояние: *чувствовать, испытывать, переживать, мёрзнуть, кипеть* и др.;

экспликативы и характеризаторы:

вести работу ... работать, заниматься чтением... читать, совершить погружение ... погрузиться, нести ответственность... отвечать, говорить громким голосом ... говорить громко, идти быстрым шагом ... идти быстро; поддержка — вещь нужная ... поддержка нужна, отдых — дело приятное ... отдыхать приятно. Подробнее см. [13].

Интересно, что первый тип дескрипций — описательные предикаты — лингвистическая универсалия, есть во всех известных языках, а второй тип является главным в языках, где нет категории наречия, как в арабском, или где их мало, как в иврите; но отсутствует, например, в китайском. И такое соотношение данных категорий в русском языке и в языке ученика-инофона преподаватель должен знать. Соответственно, сопоставительные работы по грамматике нужны.

Квантитативы функционируют по-своему, часто не подчиняясь современной грамматике, что подтверждает необходимость выделения в категории числа “счётного множества”. Ср., например:

поднялась детская рука (ед.ч.) — *поднялись детские руки* (мн.ч.) — *поднялось/поднялись две детские/детских* (мн.ч. И/Р) *руки* (Р ед.ч.).

Это объясняется историей языка. К квантитативам относятся и с/с со словами типа *тысяча, пяток/пятёрка, двойка, десяток/десятка, сотня*. В позиции подлежащего они тоже “нарушают” грамматику, ср.:

Прошла тысяча лет, а ничего для религиозных деятелей не изменилось. Прошло тысяча лет после

войны с юужань-вонгами. Прошли тысяча лет со времени разделения. Подробнее см.: [35]; [36].

Очень важно, что именно с/с всех типов являются одним из главных механизмов, определяющих порядок словоформ (не членов предложения — ЧП) в предложении, то есть это один из механизмов функционирования речевых единиц в предложении. Но могут выступать и вне его.

2.3.1. На уровне предложения выделяются простые и сложные, а в каждом разряде свои классы и типы структур. Основной в структуре предложения считается категория ЧП. Это общеизвестно, но оговорим только несколько моментов.

В свое время В.В. Виноградов операционально доказал отличие предложения от с/с наличием предикативности, включающей грамматические категории: модальность (реальность / ирреальность), время, лицо. Г.А. Золотова в своём синтаксическом поле предложения добавила структурно-семантические категории [31], вместе с грамматическими образующие в нашей модели грамматическую парадигму предложения [13, с. 296–330]. Очень важно разделение модальности на внешнесинтаксическую (в парадигме В.В. Виноградова) и внутрисинтаксическую, связанную с содержанием предложения. Но способ соотношения формальной структуры предложения с его содержанием у наших высоких коллег не рассматривается. Предложение дается как одноуровневая цепочка слов. А после введения В. Матезиусом категории актуального членения (АЧ) [26]¹³, которая практически осуществляет продуцирование речи (“о чём говорим” и “что говорим”, выделенное в свое время нашими лингвистами [2], [3]) как категория продуцирования, или предикации (следующая после категории предикативности), но как категория и с терминологией Матезиуса (тема, рема, парентеза) представленная полностью на материале русского языка только в [37].

2.3.2. Чешский коллега Фр. Данеш выделил в предложении три уровня: семантический, формальный, актуализационный [38]; [39]. Эта идея получила разработку, в работах как самого Данеша [40], так и мн. др. с разными вариантами. В нашей модели языка выявилось, что АЧ — одна из главных категорий, и для нас адекватна структура из четырех уровней.

1. Денотативный уровень (семантический у Данеша), передающий содержание предложения. Денотативный уровень формируется

¹³ АЧ было выделено Матезиусом, очевидно, во время войны или раньше. Он умер в 1945 г., а первая статья появилась в Чехословакии в 1946 г.

денотативными ролями, в современной лингвистике уже выделенными и сгруппированными, например, [46], см.: [13, гл. 9]. Для нас важно соотношение содержания предложения и способов его выражения.

Содержание может выражаться по-разному. И денотативный уровень реализуется в оппозиции подуровней “типовая ситуация”¹⁴ (ТС) vs. “пропозиция”. В ТС все ‘роли’ названы изосемическими словами и занимают свои позиции, то есть предложение и изосемично, и изоморфно:

Оля хорошо учится. В нашей хижине жила не только ося.

Это же содержание можно передать пусть изосемическими словами, но с изменением ролей в синонимических с ТС предложениях:

Оля — хорошая ученица. Ося была не единственным постояльцем нашей хижины.

И это уже пропозиция, синонимический вариант исходной структуры.

Если предложение — изосемическая изоморфная конструкция, это — лингвистическая универсалия и имеет аналоги во всех языках. Так, предложение *Гости к нам придут завтра* именно такая конструкция, а предложение *У нас завтра гости*, выраженное изосемическими словами, но с именем субъекта не в позиции подлежащего, — неизоморфное, и аналоги возможны не во всех языках. Не во всех языках есть аналоги неизосемических предложений типа *Учеба у Оли идет хорошо, На решение вопроса о проведении выборов у нас ушло два часа*. Денотативный уровень у нас основной: мы учим общению, а не определению моделей. И в нашей модели выделены языковые механизмы, обеспечивающие адекватность передачи информации.

2. Денотативный уровень — это само содержание, отражение внеязыковой ситуации, но еще не его смысл. Предикативными отношениями: ‘о чем говорим’ (тема) — ‘что говорим’ (рема) могут быть соединены разные участники ситуации в зависимости от конситуации. Это и есть АЧ и все ИК Е.А. Брызгуновой + ИК-1_с (смысловое) [41] есть Т или Р. Это — актуализационный уровень, что свойственно всем славянским языкам. Возможно, именно такой статус актуализации предиктируемых компонентов у славян и есть причина неграмматизованности ЧП. Многие фонетисты не признают АЧ, но без ИК научить инофонов адекватному общению в русскоязычной аудитории трудно.

¹⁴ См. “Без классификации типичных и повторяющихся состояний и ситуаций (...) невозможно общение на языке” [47, с. 331].

К роли ЧП в предложении мы еще вернемся, см. [13, гл. 25, 26].

3. Третий уровень — семантический, но в ином значении, нежели у Данеша. Это уровень нашего мышления, который формирует соотношение всех других уровней. Его можно представить в виде трехгранной призмы, каждая из граней которой соотносима с одним из уровней предложения.

4. Последний уровень — формальный, т.е. структура предложения, формируемая ЧП, — фактически механизм передачи содержания и категории предикации. И на этом уровне у славянских ЧП выявляется функция, с денотативной структурой (понятия субъекта и предиката) не связанная. Наши ЧП формируют иерархизованную структуру коммуникативно значимых позиций. И, значит, категория ЧП представлена оппозициями “соотнесенность с денотативной структурой” vs. “оценка говорящим важности для него роли участника в ситуации”. Каждый ЧП имеет свой уровень коммуникативной значимости. Представим его (подробнее см.: [13, с. 594]):

1. Подлежащее — 2. Субстантивное сказуемое — 3. Дополнение — 4. Остальные типы сказуемого — 5. Логические обстоятельства (место, время, причина, условие и нек. др.) — 6. Характеризующие обстоятельства и определения — 7. Связки, реляторы, экспликативы, классификаторы и вводные компоненты. (К вводным компонентам мы вернемся ниже.)

Вводные формы слов, с/с и предложения могут быть связаны уже с уровнем сложного предложения. Именно на этом уровне очень активно АЧ и тема-рематическая структура предложения с такими механизмами, как тема-рематическая мена, выделение фокуса темы (ИК-4) или ремы (ИК-1_с или ИК-2), перенос ремы в начало и использование позиций ЧП. Отметим, что уровень АЧ, которое реализуется в ИК, оказывается сильнее коммуникативного статуса формальных ЧП. Софункционирование категории ЧП и АЧ определяет предложение-высказывание, а не просто предложение.

1) Ко³ля — друг Пе¹ти — Дру³г Пети — Ко¹ля и Друг Пе³ти — Ко^{1с}ля — Петин дру³г — Ко¹ля и Пе³тин друг — Коля — Ко²ля друг Пети, а не Иван. — Ко³ля Пете — друг — Пе⁴те Коля — дру^{1с}г, а не бра¹т. — Петя и Коля — друзья/дружат. — Петя дружит с Колей — Коля дружит с Петей. — С Ко²лей дружит Петя-Пе²тя дружит с Колей и др.

2) Ректор в докладе трижды упомянул наш факультет — В докладе ректора/В ректорском докладе наш факультет упомянут трижды — Доклад ректора/Ректорский доклад — это трехкратное упоминание нашего факультета — Ректор — это

трёхкратное упоминание в докладе нашего факультета — Факультет, трижды упомянутый ректором в докладе, — наш.

Отношениями предикации могут быть соединены второстепенные ЧП:

Трижды о нашем факультете — в докладе ректора.

3) *Мне сказали: Иван — опытный специали¹ст/специалист о¹пытный. — Мне сказали, что Иван опытный специалист. — Иван, мне сказали, опытный специалист/специалист опытный. — Иван, как мне сказали, специалист опытный. — Специали⁴ст Иван, сказали, опытный. Специали⁴ст Иван — опытный. Так мне сказали.* Впрочем, и вводный компонент можно сделать коммуникативно наиболее значимым, если произнести его не более тихим, а более громким голосом, не быстрее, а медленнее основной части:

Иван — так мне сказали — опытный специалист.

И значит, у вводных компонентов есть своя категория и свои парадигмы, в наших грамматиках пока не представленные.

В традиционной грамматике вводные компоненты — не члены предложения. Но, как видим, они могут быть частью содержания сложного предложения, и значит, входят в его содержание. Очевидно, что вводные компоненты не члены модели предложения, но членом предложения-высказывания они, несомненно, являются.

Формальный тип предложения (напр., во второй группе) — глагольное, страдательный оборот, биниминативное, характеристическое — тоже участвует в реализации коммуникативных целей говорящего. А любая из вторичных реализаций, скажем, в пересказе разговора, может быть выражена исходной моделью. Третий тип в своей парадигме показывает, что главное предложение можно перевести в позицию вводных компонентов (а это обычно парентеза), по смыслу наименее значимую, и сделать

основной придаточную часть. И в каждой реализации — своя степень уверенности говорящего в содержании придаточной части. Но каждая из реализаций принадлежит к тому или иному типу моделей со своим типовым значением. Налицо — богатейшая, но разноуровневая синонимия моделей предложения с одним содержанием, с одной денотативной структурой. И в этом плане они синонимичны, но у них разные смыслы, связанные с разными конситуациями. Это парадигма синонимических реализаций основной структуры и обусловленные конситуацией и синтаксическими, а не лексическими единицами разные уровни грамматической категории синонимии, которой у нас пока нет. К ней мы вернемся.

* * *

Рассмотренные выше варианты реализаций предложений-высказываний — это, собственно, и есть сфера функционирования языка. Представим общую дендрограмму основных категорий Языка (схемы 4₁, 4₂ см. ниже).

В лексике нужно представить не перечисление, а систему возможных соотношений, включая уровни отношений синонимии, антонимии, омонимии, ЛСВ. Это задача лексикологов. См. возможное:

самый хороший и он *самый*; — *Гимнастика* для меня — *лучше всего*; и: *Этот, этот и тот*; *всего*³ — *три*¹; *Было де¹сять книг, а сейча³с всего три¹.*

Иногда лексика, выражая одно и то же явление, использует разные слова в зависимости от внеязыковых условий, ср.: *к нам пришли гости* — люди из этого же населенного пункта, даже используя транспорт; и *к нам приехали гости* — из другого населенного пункта, если, конечно, они не шли пешком.

Служебная лексика участвует в формообразовании (морфосинтаксис), то есть в образовании синтаксисом. И в знаменательной, и в служебной

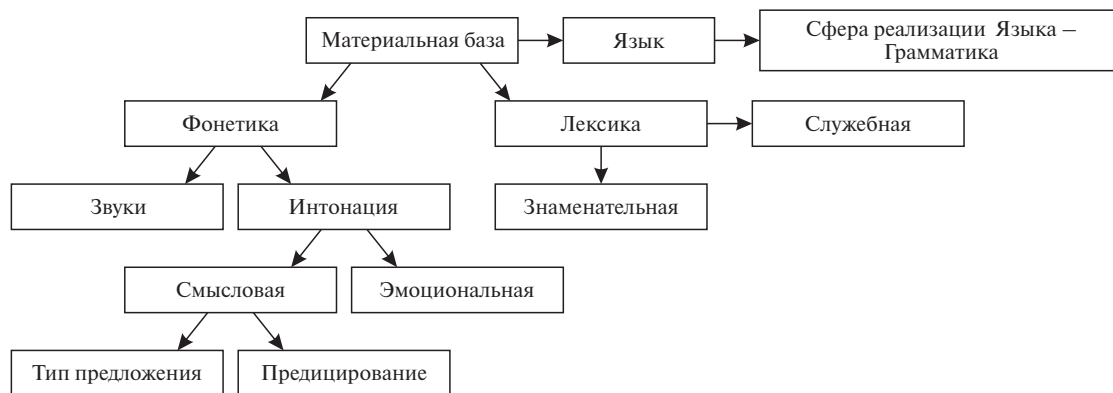

Схема 4₁. Категоризация языковых единиц

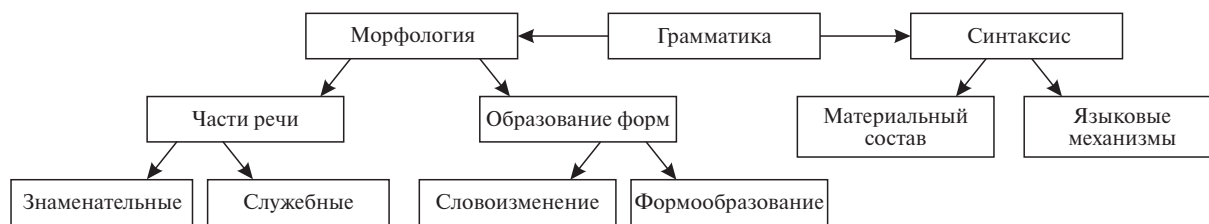

Схема 4.2. Грамматика (Сфера реализации Языка)

лексике работает категория синонимии разных уровней. Ниже мы покажем: у некоторых предлогов три синонимических парадигмы. А категория предлога — функционально-грамматическая. Интонации работают уже только в сфере реализации Языка — в Грамматике, и в смысловых сейчас выделяют (по типам предложения) повествовательные, вопросительные и восклицательные; но, наверное, есть и другие. Эмоциональные — это состояние и отношение к кому/чему-л. говорящего, то есть определенный компонент категории авторизации. Повторим: эмоциональная интонация — лингвистическая универсалия. Независимо от понимания/непонимания языка человека мы поймём его состояние и отношение к чему-л. и под.

Первой в Грамматике является оппозиция грамматических единиц и сферы их функционирования, то есть морфологии и синтаксиса. В каждой из этих категорий есть своя оппозиция. В морфологии — это типы словесных единиц (ЧР) и способ их введения в речь (образование морфологической парадигмы); в синтаксисе — типы синтаксических единиц vs. их речевой статус. В каждом языке есть в парадигме свои особенности.

Возможно, к служебным стоит отнести и ЛСВ местоименных единиц *самый, всего* в суперлятиве, такие компаративы, как *более* и *менее*, в сочетаниях с прилагательными и наречиями, где именно они вносят значение. И значит, у славян наряду со словоизменением форм “работают” и сочетания словоформ. Словоизменение имеет свою систему и свою парадигматику, но главное — это категории склонения, спряжения, согласования и неизменяемости. Важно, что категория согласования реализуется только в с/с и зависит от таких характеристик существительного, как грамматический род, падеж, которых нет в некоторых других языках, и число. Соответственно, в образовании форм слов возможны и пересечения с такими типами с/с, как компаратив *более высокий, более высоко*, суперлятивы как с *самый*, так и со *всего: труднее всего*. Формат статьи не позволяет подробно представить подкатегории их реализации. О чём-то уже говорилось выше.

Названные выше БККл и ККл суть способы образования форм. БККл представляет характерную

для данной ЧР парадигму, по которой данная ЧР определяется. Другие ККл могут иметь другую парадигму, индивидуальную для каждой ЧР. Общими для двух или более ЧР являются склонение — для существительных и количественных числительных от *два* и выше, согласование — для прилагательных, числительных с *один, два* (что невозможно почти во всех других языках), порядковых и причастий. Ср.:

Пришел двадцать один новый студент — Пришла двадцать одна новая студентка — Пришло двадцать одно заказное письмо; — два новые/новых студента — две новые/новых студентки.

Но интересно, что в квантитативах числительное от *два* и выше является главным в с/с только в **И** и **В** для неодушевленных существительных, а во всех косвенных падежах числительное согласуется по падежу с существительным. И это падежная парадигма квантитативов, принципиально отличающаяся от парадигм других с/с, и зона пересечения двух категорий. Ср.:

ру́ки — /три ру́ки́, пять рук. — с рук — с трёх/с пяти рук, к рукам — к трём/к пяти рукам, на ру́ки — на три ру́ки́/на пять рук, руками — тремя/пятью руками, на руках — на трёх/на пяти руках.

И это — формирование категории числительно-го, которое активно идет во всех славянских языках. В южнославянских они уже не склоняются.

* * *

Функционирование языка — это грамматический уровень. И все категории (а категории в языке во всех случаях реализуются на уровне его функционирования, то есть в грамматике) суть грамматические, в том числе и синонимия, выявленная на уровне лексики. На этом уровне она есть и в знаменательных, и в служебных словах. У вторичных предлогов может быть два типа синонимических парадигм — однокорневая vs. разнокорневая, ср.:

близ, близь, близко, вблизи, в близости, поблизости — рядом, около, возле, у.

У всех однокорневых здесь оппозиция: без первичного предлога в постпозиции vs. с предлогом в постпозиции, не вносящим изменений в значение:

Метро — близко моего дома/близко к моему дому/ близко с моим домом/близко от моего дома/близко у моего дома. Вблизи дороги — круглая поляна. — Судно стояло вблизи от берега. — Вблизи с Кинопарком ВИКИНГ струятся прозрачные струи Водопада Су-Учхан. — Вблизи до подсолнечника на фоне голубого неба. Фото. — Вблизи у жаркого камина, Вдали от дома и семьи, В тоску ввела меня чужбина, Пишу я грустные стихи. Подробнее см. [29].

Категориальность синонимии еще не разработана. Возможно, там есть оппозиция уровней значения и смысла, степени однозначности, ср. *до урока и перед уроком: я пришел до урока, зашел в читальню, потом в буфет; и я пришел перед уроком* — где определена близость, и возможен конкретизатор *самый — перед самым уроком*. И здесь *до урока и перед уроком* — варианты; но при наличии лексических конкретизаторов *долго до урока/перед уроком и незадолго до урока/перед уроком до и перед* синонимы. А это условия дополнительной дистрибуции, то есть грамматика. Важен учет денотативного и формального уровней, когда эти условия дистрибуции и выступают, см. выше: только *из года, но из года/из году в год* — это синонимия синтаксисом, а не членов падежной парадигмы. И здесь важны условия употребления — именная группа. А это уже синтаксис, то есть тоже грамматика.

Типы синонимии на уровне с/с, простого и сложного предложения см. выше. Одно и то же слово в определенной позиции может не иметь своего словарного эквивалента в другой. То, что итальянцы не могут сказать “*Я учусь в университете*”, поскольку в итальянском это значит “*Я сам себя учу в университете*”, доказывает, что в русском *учиться* два ЛСВ. А ЛСВ по-разному работают в синтаксисе и могут иметь разные синонимы. А это грамматика. И лексикология должна выходить в грамматику, и в наших словарях это должно бы быть на современном уровне языкознания учтено.

Такие работы, как [42], — прямое доказательство неадекватности концепции об отсутствии в Языке синонимии, якобы нарушающей закон экономии. Закон экономии проявляется, например, в потере категорий лица и числа у связки *есть* (ср: *есть, еси, есть, есьмы, есте, суть* в старославянском, наличие их в южно- и западнославянских языках) и в нуль-форме этой связки в предложениях: *Маша — врач, Он болен, Дети — на даче* и др. Показанные выше

трансформы простых и сложных предложений, категория дескрипций и мн. др. показывают: именно синонимика есть основа возможности трансформаций грамматических единиц от словоформ до сложных предложений. Это условия действия коммуникативных механизмов языка, и, значит, категория грамматическая. И нам нужно выявить её систему.

* * *

В нашей модели языка выявлены языковые механизмы (ЯЗМ) — “взаимосогласованное действие факторов языковой коммуникации, наиболее существенных для формирования типовых способов ее осуществления” [43], т.е. присущие языку законы и закономерности, регулирующие наиболее эффективное функционирование речевых построений. Представим их систему.

Коррекционные ЯЗМ регулируют смысловую и грамматическую корректность речи. Смысловые механизмы базируются на фундаментальном законе семантического согласования [44] и могут оказаться сильнее формальных, регулирующих грамматическую правильность. Так, предложение инофона, плохо знающего русский язык, *Я сегодня работа идти нет, я болеть* будет понятно. Здесь работают лексические семы. Но этот закон показывает, что в языке наряду с лексическими работают и грамматические семы, требующие своего изучения. О грамматических семах глагольного вида см.: [20]. Согласование по роду, числу и падежу осуществляют также грамматические семы, но другого типа. Это внутренние механизмы работы языка, которые нужно знать.

Коммуникативные ЯЗМ оптимизируют решение коммуникативных задач и реализуются при помощи АЧ (актуализационные) и синтаксических трансформаций (интерпретационные механизмы), примеры которых приведены выше. Подробнее см.: [13, Часть IV].

Язык развивается и изменяется постоянно, и учитывать “возраст” единицы или категории необходимо. Выход числительных в самостоятельную ЧР стимулировал появление категории количественности, где будут работать и параметрические существительные, и предметные, ср.:

стакан воды — банка воды- ковш воды — ведро воды — бочка воды-цистерна воды.

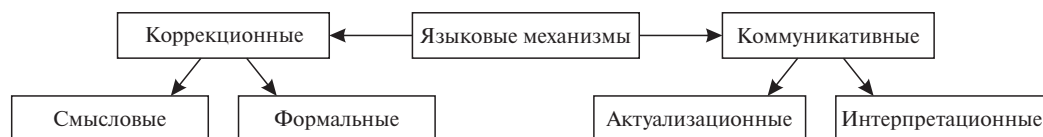

Схема 5. Языковые механизмы

Предметные дадут оппозицию с метафорическим употреблением:

море грязи — лужа крови — капля жалости — куча гадостей — поток телефонных звонков (НКРЯ) — ворох впечатлений и ворох баракла (НКРЯ).

В квантитативах будут оппозиции единичности и множественности, разделительности и суммарности, точности и приблизительности; указания собственно количественности и границ диапазона — *от двух до десяти книг*. Свои оппозиции будут у средств выражения — порядок слов и предлоги:

длиной два метра — два/двух метров длиной — длиной метра два/метров двух длиной — длиной с метр/около метра — длиной порядка двух метров.

Компаративы прилагательных и наречий всегда здесь выступают в функции предлога: *больше двух метров — меньше десяти человек*. Системны наречия: *примерно метр — примерно с метр, приблизительно метр /с метр*.

И еще много признаков и проявлений, которые можно и нужно категоризовать.

* * *

В заключение скажем, что осмысление современных представлений о Языке, его двойственности, но вместе с тем, о его строгой структуре и сложности соотношений разных уровней и единиц говорит о необходимости: 1) изучать и описывать весь язык, а не только так называемый литературный, то есть как в упомянутой выше объективной грамматике А.М. Пешковского [1], в которой для лингвиста не может быть “неправильного” и “некрасивого”, так как носитель языка живет “в круге своего языка и выйти из него может только в другой язык” (В. Гумбольдт, см.: [45]); 2) использовать операциональные методы выявления языковых фактов всех уровней и определения адекватности результатов анализа; 3) синтезировать результаты, выявленные нашими коллегами.

Заметим, что за 40 лет с 1980 г. у нас не вышло ни одной Академической грамматики, в то время как за вторую половину прошлого века вышло три: Грамматика русского языка. Тома 1 и 2. Издательство АН СССР. Ред. В.В. Виноградов, 1950 г., Грамматика современного русского языка. Ред. Н.Ю. Шведова. М., 1970. Русская грамматика. В 2-х томах. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. А такая, во многом принципиально новая, грамматика необходима.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Избранные труды. — М.: Учпедгиз, 1959. — 250 с.
2. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. — Л.: Наука, 1972. — 213 с.
3. Лекант П.А. Виды предикации и структура простого предложения // Лингвистический сборник. — М., 1975.
4. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. Изд. 2. — М.: URSS, 2018. — 304 с.
5. Юдина Л.П., Битехтина Г.А., Слесарева И.П. Упражнения на употребление краткой и полной формы прилагательных. — М.: Изд. Московского университета, 1963. — 22 с.
6. Всеволодова М.В., Спиридонова Л.Н. Употребление полных и кратких прилагательных. — М.: Изд. Московского университета, 1968. — 64 с.
7. Всеволодова М.В. Употребление полных и кратких форм прилагательных // В помощь преподавателям русского языка как иностранного. — М.: Изд. Московского университета, 1965.
8. Всеволодова М.В. О грамматике полных и кратких форм прилагательных и причастий в русском языке // Вопросы языкознания, 2013, № 6.
9. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Пер. с нем. А.А. Холодовича; Под ред. С.Д. Кацнельсона; Послел. А.А. Реформатского. — М.: Издательство иностранной литературы, 1960. — 372 с.
10. Маркус С. Логический аспект лингвистических оппозиций // Проблемы структурной лингвистики. — М., 1963.
11. Омельченко В.В. Системные основы древних писаний и древнерусского языка. Загадки Ригведы — Веды гимнов и древнерусского языка. — М.: URSS, 2019. — 424 с.
12. Клобуков Е.В. Теоретические проблемы русской морфологии. — М.: Изд. Московского университета, 1979. — 96 с.
13. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. — М.: URSS, 2017. — 656 с.
14. Башарина А.К. Понятие “семантическое поле” // Вестник Якутского государственного университета. 2007, том 4, № 1.
15. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. — М.: Высшая школа, 1987. — 272 с.
16. Ховалкина А.А. Лексическое выражение степени величины признака в современном русском языке. Симферополь: Lege Artis, 2014. — 212 с.
17. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. — Л.: Просвещение, 1967. — 190 с.

18. *Всеволодова М.В., Ким Тэ Чжин.* Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка). Издание 3-е. — М.: URSS, 2015. — 136 с.
19. Теория функциональной грамматики. Под редакцией *Бондарко А.В.* Т. 1. — СПб.: Наука, 1987.
20. *Всеволодова М.В.* Глагольный вид и именная темпоральность: механизмы взаимодействия // Вопросы языкознания, 2018, № 1.
21. *Всеволодова М.В.* О способах выражения времени завершения действия // Болгарская русистика, 1977, № 6.
22. *Панков Ф.И.* Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия: на материале категории адвербиальной темпоральности. — М.: МАКС Пресс, 2008. — 448 с.
23. *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. — Л.: Наука, 1978. — 387 с.
24. *Арват Н.Н.* Синтаксис словосочетания в современном русском языке. — Нежин, 2001.
25. *Тань Аошуан.* Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя. На примере китайского языка. — М.: Языки славянских культур, 2002. — 896 с.
26. *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. — М., 1967.
27. Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах. Отв. редактор *Арутюнова Н.Д.* — М.: Институт языкознания РАН, 2014. — 528 с.
28. *Скобликова Е.С.* Согласование и управление в русском языке. — М.: Просвещение, 1971. — 239 с.
29. *Всеволодова М.В.* Некоторые проблемы современной русской грамматики и категория грамматикализации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018, № 5.
30. *Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Книга 2: Регистр русских предложных единиц А — В (объективная грамматика). — М.: URSS, 2018. — 800 с.
31. *Золотова Г.А.* Очерки функционального синтаксиса. — М.: Наука, 1973. — 372 с.
32. *Ломтев Т.П.* Предложение и его грамматические категории. — М.: УРСС, 2004.
33. *Мухин А.М.* Функциональный анализ синтаксических элементов На материале древнеангл. яз. — Л.: Наука, 1964. — 292 с.
34. *Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А.* Современный русский язык. — М.: Высшая школа, 1989. — 800 с.
35. *Всеволодова М.В.* Специфика категории количественности в славянских языках: числительные, квантитативы, счётное множество и изменения в парадигматике русских числительных. Функционально-коммуникативная грамматика // Мультиязычный научный журнал “Stephanos” (2013, № 2).
36. *Всеволодова М.В.* Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013, № 6.
37. *Ковтунова И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. — М.: УРСС, 2002. — 240 с.
38. *Daneš F.* K otázce pořádku slov v slovanských jazycích // “Slovo a slovesnost” XX, 1959, № 1.
39. *Daneš F.* A three-level Approach to syntax // Travaux Linguistiques de Prague. 1 Academia, 1964.
40. *Данеш Ф., Гаузенблас К.* Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. — М.: Наука, 1969.
41. *Бухарин В.И.* Коммуникативный синтаксис в преподавании русского языка как иностранного. — М.: Русский язык, 1986. — 94 с.
42. *Апресян Ю.Д. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Выпуск 2. — Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. — 1488 с. — (Studia philologica).
43. *Поликарпов А.А.* Циклические процессы в становлении лексической системы языка. Дис. ... докт. филол. наук. — М., 1998.
44. *Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. — М., 1972.
45. *Потебня А.А.* Мысль и язык. — М.: Лабиринт, 2007. — 256 с.
46. *Vendler Z.* Telling the facts. — In: Speech Acts and Pragmatics, 1980.
47. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. — М.: Наука, 1976.

REFERENCES

1. Peshkovskiy, A.M. *Obektivnaya i normativnaya tochka zreniya na yazyk* [Objective and Normative Outlook on the Language]. Peshkovskiy, A.M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. 250 p. (In Russ.)
2. Katsnelson, S.D. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Language Typology and Speech Thinking]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 213 p. (In Russ.)
3. Lekant, P.A. *Vidy predikatsii i struktura prostogo predlozheniya* [Predication Types and Simple Sentence Structure]. *Lingvisticheskij sbornik* [Linguistic Collection]. Moscow, 1975. (In Russ.)

4. Vsevolodova, M.V., Kukushkina, O.V., Polikarpov, A.A. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsionalno-grammaticheskomu opisaniiu realnogo upotrebleniya: vvedenie v obektivnuyu grammatiku i leksikografiyu russkikh predlozhnykh edinits. Kn. 1. Izd. 2* [Russian Prepositions and Prepositional Type Means. Materials to a Functional Grammar Description of Real Usage: Introduction into Objective Grammar and Lexicography of Russian Prepositional Units. Book 1. The 2nd Ed.]. Moscow, URSS Publ., 2018. 304 p. (In Russ.)
5. Yudina, L.P., Bitekhtina, G.A., Slesareva, I.P. *Uprazhneniya na upotreblenie kratkoj i polnoj formy prilagatelnykh* [Drilling of the Usage of Short and Full Adjective Forms]. Moscow, Izd. Moskovskogo universiteta Publ., 1963. 22 p. (In Russ.)
6. Vsevolodova, M.V., Spiridonova, L.N. *Upotreblenie polnykh i kratkikh prilagatelnykh* [Usage of Short and Full Adjective Forms]. Moscow, Izd. Moskovskogo universiteta Publ., 1968. 64 p. (In Russ.)
7. Vsevolodova, M.V. *Upotreblenie polnykh i kratkikh form prilagatelnykh* [Usage of Short and Full Adjective Forms]. *V pomoshch prepodavatelyam russkogo yazyka kak inostrannogo* [In Assistance to Lecturers of Russian as a Foreign Language]. Moscow, Izd. Moskovskogo universiteta Publ., 1965. (In Russ.)
8. Vsevolodova, M.V. *O grammatike polnykh i kratkikh form prilagatelnykh i prichastij v russkom yazyke* [To the Grammar of Short and Full Adjective and Participle Forms in Russian]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language]. 2013, N 6. (In Russ.)
9. Trubetskoy, N.S. *Osnovy fonologii. Per. s nem. A.A. Kholodovicha; pod red. S.D. Katsnelsona; poslesl. A.A. Reformatskogo* [The Basics of Phonology. Transl. from German by Kholodovich, A.A.; Katsnelson, S.D. Ed.; Reformatskiy, A.A. Afterword]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoj literatury Publ., 1960. 372 p. (In Russ.)
10. Markus, S. *Logicheskij aspekt lingvisticheskikh oppozitsij* [Logical Aspect of Linguistic Oppositions]. *Problemy strukturnoj lingvistiki* [Structure Linguistics Issues]. Moscow, 1963. (In Russ.)
11. Omelchenko, V.V. *Sistemnye osnovy drevnikh pisanij i drevnerusskogo yazyka. Zagadki Rigvedy — Vedy gimnov i drevnerusskogo yazyka* [The System Basics of Ancient Scripts and the Old Russian Language. Mysteries of the Rig-Veda — Veda Hymns and the Old Russian Language]. Moscow, URSS Publ., 2019. 24 p. (In Russ.)
12. Klobukov, E.V. *Teoreticheskie problemy russkoj morfologii* [Theoretical Topics of the Russian Morphology]. Moscow, Izd. Moskovskogo universiteta Publ., 1979. 96 p. (In Russ.)
13. Vsevolodova, M.V. *Teoriya funktsionalno-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment fundamentalnoj prikladnoj (pedagogicheskoy) modeli yazyka* [Functional Communicative Syntax Theory. A Fragment of the Fundamental Applied (Pedagogical) Language Model]. Moscow, URSS, 2017. 656 p. (In Russ.)
14. Basharina, A.K. *Ponyatie "semanticheskoe pole"* ["Semantic Field" Concept]. *Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Yakut State University]. 2007, Vol. 4, N 1. (In Russ.)
15. Maslov, Yu.S. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction into Study of Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 272 p. (In Russ.)
16. Khovalkina, A.A. *Leksicheskoe vyrazhenie stepeni velichiny priznaka v sovremennom russkom yazyke* [Lexical Statement of Attribute Value Degree in the Modern Russian Language]. Simferopol, Lege Artis Publ., 2014. 212 p. (In Russ.)
17. Bondarko, A.V. *Vid i vremya russkogo glagola* [Grammatical Aspect and Time of the Russian Verb]. Leningrad, Prosveschenie Publ., 1967. 190 p. (In Russ.)
18. Vsevolodova M.V., Kim Te Chzhin. *Sistema znachenij i upotreblenij form nastoyaschego vremeni russkogo glagola (v zerkale korejskogo yazyka). Izdanie 3-e* [Meanings and Usage System of the Present Forms of the Russian Verb (in the Mirror of the Korean Language). The 3d Ed.]. Moscow, URSS Publ., 2015. 136 p. (In Russ.)
19. *Teoriya funktsionalnoj grammatiki. Pod redaktsiej Bondarko A.V. T.1* [Functional Grammar Theory. Bondarko, A.V. Ed. Vol. 1]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1987. (In Russ.)
20. Vsevolodova, M.V. *Glagolnyj vid i imennaya temporalnost: mekhanizmy vzaimodejstviya* [Verb Aspect and Noun Temporality: Mechanisms of Interaction]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language]. 2018, N1. (In Russ.)
21. Vsevolodova, M.V. *O sposobakh vyrazheniya vremeni zaversheniya dejstviya* [Ways of Time Statement of Action Terminality]. *Bolgarskaya rusistika* [Bulgarian Studies of the Russian Language]. 1977, N 6. (In Russ.)
22. Pankov, F.I. *Opyt funktsionalno-kommunikativnogo analiza russkogo narechiya: na materiale kategorii adverbialnoj temporalnosti* [An Attempt of Functional Communicative Analysis of the Russian Adverb: on the Material of Adverbial Temporality Category]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2008. 448 p. (In Russ.)
23. Meschaninov, I.I. *Chleny predlozheniya i chasti rechi* [Parts of the Sentence and Parts of Speech]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 387 p. (In Russ.)
24. Arvat, N.N. *Sintaksis slovosochetaniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntax of the Word Collocation in the Modern Russian Language]. Nezhin, 2001. (In Russ.)
25. Tan Aoshuan. *Problemy skrytoj grammatiki. Sintaksis, semantika i pragmatika yazyka izoliruyushego stroya. Na primere kitajskogo yazyka* [Hidden Grammar Issues. Syntax, Semantics, Pragmatics of an Isolating Language. On the Example of the Chinese Language]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2002. 896 p. (In Russ.)

26. Matezius, V. *O tak nazyvaemom aktualnom chlenenii predlozheniya* [To the so called Actual Topic-Comment Structure of the Sentence]. *Prazhskij lingvisticheskij kruzhok: sb. st.* [The Prague Linguistic Circle. Articles Collection]. Moscow, 1967. (In Russ.)
27. *Logicheskij analiz yazyka. Chislovoj kod v raznykh yazykakh i kulturakh. Otv. redaktor Arutyunova N.D.* [Logical Analysis of Language. Numeral Code in Different Languages and Cultures. Arutyunova, N.D. Ed.]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN Publ., 2014. 528 p. (In Russ.)
28. Skoblikova, E.S. *Soglasovanie i upravlenie v russkom yazyke* [Agreement and Government in the Russian Language]. Moscow, Prosveschenie Publ., 1971. 239 p. (In Russ.)
29. Vsevolodova, M.V. *Nekotorye problemy sovremennoj russkoj grammatiki i kategoriya grammatikalizatsii* [Some Issues of the Modern Russian Grammar and Grammaticalization Category]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Bulletin of the Moscow State University. Series 9. Philology]. 2018, N 5. (In Russ.)
30. Vsevolodova, M.V., Vinogradova, E.N., Chaplygina, T.E. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsionalno-grammaticheskomu opisaniiu realnogo upotrebleniya: kniga 2: reestr russkikh predlozhnykh edinits A – V (obektivnaya grammatika)* [Russian Prepositions and Prepositional Type Means. Materials to a Functional Grammar Description of Real Usage: Book 2: Inventory of Russian Prepositional Units A – V (Objective Grammar)]. Moscow, URSS Publ., 2018. 800 p. (In Russ.)
31. Zolotova, G.A. *Ocherki funktsionalnogo sintaksisa* [Functional Syntax Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 372 p. (In Russ.)
32. Lomtev, T.P. *Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii* [The Sentence and Its Grammatical Categories]. Moscow, URSS Publ., 2004. (In Russ.)
33. Mukhin, A.M. *Funktsionalnyj analiz sintaksicheskikh elementov na materiale drevneangl. yaz.* [Functional Analysis of Syntax Elements on the Material of the Old English Language]. Leningrad, Nauka Publ., 1964. 292 p. (In Russ.)
34. Beloshapkova, A.A., Bryzgunova, E.A., Zemskaya, E.A. *Sovremennyy russkij yazyk* [The Modern Russian Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 800 p. (In Russ.)
35. Vsevolodova, M.V. *Spetsifika kategorii kolichestvennosti v slavyanskikh yazykakh: chislitelnye, kvantitativy, schetnoe mnozhestvo i izmeneniya v paradigmatiche russkikh chislitelnykh. Funktsionalno-kommunikativnaya grammatika* [Quantification Category Specificity in Slavic Languages: Numerals, Quantitatives, Countable Set and Changes in Russian Numerals Paradigmatics. Functional Communicative Grammar]. *Multiyazychnyj nauchnyj zhurnal "Stephanos"* [Multilanguage Scientific Journal "Stephanos"]. 2013, N 2. (In Russ.)
36. Vsevolodova, M.V. *Kategoriya kolichestvennosti v slavyanskikh yazykakh: chislitelnye i kvantitativy* [Quantification Category in Slavic Languages: Numerals and Quantitatives]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Bulletin of the Moscow State University. Series 9. Philology]. 2013, N 6. (In Russ.)
37. Kovtunova, I.I. *Sovremennyy russkij yazyk. Poryadok slov i aktualnoe chlenenie predlozheniya* [The Modern Russian Language. Words Order and Actual Topic-Comment Structure of the Sentence]. Moscow, URSS Publ., 2002. 240 p. (In Russ.)
38. Daneš, F. *K otázce pořádku slov v slovanských jazycích* [Words Order in Slavic Languages]. "Slovo i slovesnost" XX ["Word and Philology" XX], 1959, N 1. (In Czech)
39. Daneš, F. *A Three-level Approach to Syntax*. *Travaux linguistiques de Prague*. Leningrad, Academia Publ., 1964. (In Engl.)
40. Daneš, F., Gauzenblas, K. *Problematika urovnej s točki zreniya struktury vyskazyvaniya i sistemy yazykovykh sredstv* [Levels Problematic from the View of Statement Structure and Language Means System]. *Edinitsy raznykh urovnej grammaticheskogo stroya yazyka i ikh vzaimodejstvie* [Units of Different Levels of Grammatical Language System and Their Interaction]. Moscow, Nauka Publ., 1969. (In Russ.)
41. Bukharin, V.I. *Kommunikativnyj sintaksis v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Communicative Syntax in the Teaching of the Russian as a Foreign Language]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1986. 94 p. (In Russ.)
42. *Novyy obyasnitelnyj slovar sinonimov russkogo yazyka. vypusk 2* [New Explanatory Synonyms Dictionary of the Russian Language. Apresyan, Yu.D. Ed. Iss.2]. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., Venskij slavisticheskij almanakh Publ., 2004. 1488 p. (studia philologica). (In Russ.)
43. Polikarpov, A.A. *Tsiklicheskie protsessy v stanovlenii leksicheskoy sistemy yazyka. Dis. ... dokt.filol. nauk* [Cyclic Processes in Formation of the Lexical System of Language. Dis. Doct. Sci. Philol.]. Moscow, 1998. (In Russ.)
44. Gak, V.G. *K probleme semanticheskoy sintagmatiki* [To the Issue of Semantic Syntagmatics]. *Problemy strukturnoj lingvistiki* [Structural Linguistics Topics]. Moscow, 1972. (In Russ.)
45. Potebnya, A.A. *Mysl i yazyk* [Mind and Language]. Moscow, Labirint Publ., 2007. 256 p. (In Russ.)
46. Vendler, Z. *Telling the facts*. In: *Speech Acts and Pragmatics*, 1980.
47. Arutyunova, N.D. *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [Sentence and its Sense. Logic-Semantic Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1976. (In Russ.)